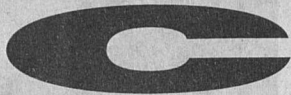

Сегодня. - 1994. - 28 мая. - С. 12.

Педагогическая поэма

Анни Жирардо в последний раз сыграла «Мадам Маргариту»

Марина Зайонц

Спектакль поставлен 20 лет назад Жоржем Лавелли и возобновлен совсем недавно при участии Валерия Ахадова — главного режиссера Магнитогорского драматического театра, а также и кинорежиссера, снявшего фильм «Руфь» с Анни Жирардо в главной роли. Вот и разгадка, как сказал бы Шекспир. Интрига внезапно и мимолетного приезда звезды легко развязалась. Легкость — само по себе хорошее слово, а в применении к моноспектаклю Жирардо еще и точное.

Пьеса москвичам оказалась знакома. На торпливо занимавшейся перестроичной заре, когда вместе с гласностью пришло и ненадолго задержалось опасное чувство: «Давай, вот оно — твоё время, ты нужен», пьесу Роберто Атайада «Мадам Маргарита» поставил Владимир Мирзоев, тогда еще молодой режиссер, интересовавшийся экспериментами в области театральных форм. В памяти от той «Маргариты» остались: запёртая на ключ дверь тесного помещения, долженствовавшего обозначать школьный класс, агрессивная, с ощутимой примесью терпкой эротики тирания и непрекращающаяся истерика парящей, покоряющей, унижающей, уничтожающей мадам учительницы. Упражнения на вечную тему фашизма были по своему изощренны и любопытны небольшой группке восторженных любителей маргинального искусства.

Забавно, как из той же пьесы (правда, к имени автора на рукописной афишке, вывешенной при входе, добавилось незнакомое имя Жана-Лула Дабадьё) можно сделать спектакль совсем о другом.

Есть среди вас Бог, Иисус, апостолы? — бросает вызов всему человечеству вкрадчиво-язвительная мадам. Ах, нет? Так запишите на доске главное — вы все дерьмо и свиньи. Нет, главное не это. Вот оно — вы все умрете. Ум-ре-те!!! Первое школьное задание — описать собственные похороны. Немолодая женщина в черном пиджаке, шортиках и тряпичных тапочках с детскими шнурками нападает, издевается, путается в словах, перескакивает с темы на тему, но говорит, говорит, не останавливаясь. Ведь это единственный способ поверить, что ты еще есть. Есть сейчас и будешь всегда. Запомните, мадам Маргарита будет с вами всегда. С вами, с вашими детьми и с вашими внуками. Вы все хотите стать мадам Маргаритой. Мадам Маргарита — это... Мысль обрывается и несется дальше. Урок биологии (в личном переводе с греческого — урок жизни) разбухает мерзкими подробностями и заканчивается взрывом. Кто-то из учеников запустил некой гадостью прямо в школьную доску.

В наказание урок катехизиса отменяется, и все начинается сначала. Еще один урок жизни — биологии. Ну что, есть среди вас Бог, Иисус или апостолы? — безнадежно вопрошает внезапно уставшая женщина. — Встаньте! Не встал никто. Зато откуда-то изпод колосников спустилось наглядное пособие — скелет. Вот во что вы все превратитесь и, Боже мой, как это страшно. Чтобы скрыть испуг и неожиданные слезы, придется немного постоять в обнимку с никому не нужными окаменевшими костями, а продолжающийся вслед за этим нежным и таким естественным жестом урок уже не скроет безумную и жалкую попытку изо всех сил уцепиться за жизнь. Таковую, какая есть. Без Бога и апостолов, но зато с глаголами, прилагательными и наречиями.

Тема тоталитаризма, как казалось, перенасытившая маленькую латиноамериканскую пьесу, растворилась без остатка в спектакле Анни Жирардо. На сцене корчилась от ужаса, перестав хорохориться, больная несчастная женщина, последние слова которой (после всех богоборческих метаний) звучат, может быть, даже слишком отчетливо: «Стремитесь всегда делать добро».

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

Спектакль не отличался особой изощренностью постановочных приемов, он выглядел довольно скромно и ни на что значительное не претендовал. Он лишь представил актрису, которая, однако, сама по себе театр, и уж его-то скромным никак не назовешь. Одна на большой сцене Жирардо способна сколько угодно долго держать внимание зала и играть с залом как ей заблагорассудится. Хвалить Анни Жирардо — занятие довольно глупое. Она была восхитительна, и разве надо еще что-то объяснять? Свобода, артистизм и ни на минуту не покидающий ее кураж — смесь, достаточная для блаженного состояния восторга. Увиденное лишь подтвердило бессмысленное упрямство теоретических умозаключений, намертво противопоставивших русскую психологическую театральную школу и отточенное французское представление. Все, чем мы справедливо (но признаемся же: не всегда) гордимся, с легкостью освоено французской актрисой. Станиславский с его вечно подзвучивающим «Не верю» был бы доволен: психологическое искусство, выстраданное им, не исчезнет никогда, оно, как мадам Маргарита, всегда будет с нами.

Кроме Станиславского, явленному искусству радовалась публика, забывшая все шели театра Сатиры. Анни Жирардо любят как мало кого из западных звезд — по-домашнему интимно, как свою, лишь по недоразумению оказавшуюся так далеко, в Париже. В антракте, где, по замыслу режиссера, актриса не уходит со сцены, продолжая вести свою учительскую жизнь на перемене, зрители облепили рампу плотным кольцом, нежно разглядывая свою любимицу и обмениваясь впечатлениями. Впрочем, часть аудитории дарила свое внимание еще одному герою вечера — Михаилу Сергеевичу Горбачеву с семейством. Атмосфера добродушия и вдруг проснувшейся бескорыстной сердечности обволакивала симпатией обоих, а неожиданную их связь обнаружила моя соседка: «Ведь только благодаря ему к нам такие театры стали приезжать». И, как ни свертывайся в катушку, это правда.

Ну, а уж после слов о необходимости делать добро и вовсе захотелось заплакать: от сострадания, от счастья, от умиления и еще бог знает от чего, уже не имеющего никакого отношения к спектаклю.